

Красны девицы,

белы девицы

Не одна Мария Бочкарева, о которой мы писали в прошлом номере, воевала на фронтах Первой мировой войны. Таких героических женщин в России было немало. Как сложились их судьбы? И на чьей стороне они оказались в годы революции и Гражданской войны?

Сергей МАКЕЕВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В начале 1917 года, когда развал армии и революционное брожение на фронте и в тылу стали очевидными, командование поддержало создание добровольных частей, лояльных власти. Они носили громкие названия: ударные, штурмовые, революционные (после февраля 1917-го). Были и вовсе экзотические подразделения, вроде «Союза личного примера» инвалидов и женского партизанского конного отряда под названием «Отряд защиты Советов». В предреволюционные дни Московский женский союз выступил с воззванием: «Женская рать будет той живою водою, которая заставит очнуться русского старого богатыря».

Не помогло. А начиналась та война с небывалого патриотического подъема, именно о ней говорили: «великая отечественная». Именно тогда родился лозунг «Все для фронта, все для победы!». Участие женщин в боевых действиях поначалу не было организованным, это был личный порыв дочерей, сестер, жен и матерей солдат и офицеров. В отличие от организованных впоследствии воинских формирований, первые добровольцы чаще всего скрывали свой пол, выступая в мужском обличье. Вдобавок многим приходилось бежать на фронт тайком от семьи, ускользая от полиции.

Гимназистки румяные

В первые дни войны в Москве на Курском вокзале задержали беглянку-гимназистку в одежде ее брата, на Рязанском вокзале – девушку в морской форме, на станции Минеральные Воды – послушницу монастыря в солдатской шинели. Двенадцать москвичек-гимназисток коротко остригли волосы, добрались до Львова и записались в полк под мужскими именами. В одном из боев в Карпатах была убита одна из беглянок, пятнадцатилетняя Зина Морозова и ранены еще четыре девушки,

среди них Зоя Смирнова, которая и рассказала о своих подругах.

Бежали на фронт дочери состоятельных и известных родителей: дочь сенатора Рита Герард, дочь знаменитого русского борца Родионова, дочь богатого фабриканта Стефания Уфимцева.

Гимназистка Екатерина Райская под видом юноши-добровольца сражалась под Перемышлем, была контужена, награждена Георгиевской медалью IV степени. Но все-таки ее тайна была раскрыта, ей пришлось вернуться домой.

Бежала на фронт и гимназистка Нина Морозова из Перми. Ее отец подполковник Морозов был тяжело ранен, один брат также ранен, второй убит. Нина сражалась под именем Василия Морозова, была награждена за храбрость двумя Георгиевскими медалями. О том, что она девушка, узнали только на перевязочном пункте, когда Нина получила ранение. Ее уговорили вернуться домой.

Похожий боевой путь прошли гимназистки Мария Смирнова из Новочеркасска и Кира Башкирова из Вильно, они воевали под мужскими именами. Кира Башкирова была награждена Георгиевским крестом IV степени, но после ранений обе гимназистки были опознаны и вынуждены оставить службу.

Несколько проще было девушкам постарше. По крайней мере, не приходилось таиться от родных. Курсистка из Киева Л.П. Тычинина серьезно готовилась к будущей службе: отрезала косы, занималась «шагистикой», носила солдатскую форму. Под руководством знакомого ветерана училась выражаться по-солдатски. Наконец, под именем Анатолия Тычинина стала ротным санитаром, выносила раненых из-под огня. Ее пол и настоящее имя выяснились только после тяжелого ранения. Тычинина была отправлена на лечение в Москву, но после госпиталя собиралась вернуться на фронт.

Надежда Дегтярева происходила из театральной семьи. Отец-актер рано умер, мать служила в провинциальной труппе. Девочка воспитывалась в приюте театрального общества. Ей исполнилось восемнадцать, когда началась война. Надежда стала Николаем, воевала в Карпатах. После ране-

ния вынуждена была вернуться в Киев.

В цирковой среде воспитывалась Александра Алексеева. Она ухаживала за львами и тиграми, выучилась стрелять и ездить верхом. Мечтала попасть еще на японскую войну, но не сумела. Когда началась Первая мировая, цирк был в Ростове. Александра отправилась на южный фронт и храбро воевала под мужским именем. Стала разведчиком, получила ранение, и на этом след ее затерялся.

Казачки удалые

Судьбу и подвиги кавалерист-девицы Надежды Дуровой повторили сто лет спустя ее соотечественницы. Спортсменка-наездница и фехтовальщица Мария Исаакова пробовала записаться в казачий полк официальным путем, но получила отказ. Тогда она переделалась в казачью форму и догнала этот полк уже возле передовой. Была зачислена в разведку.

Уральская казачка, дочь войскового старшины Наталья Комарова, отправилась на фронт, как ее отец и брат. Однажды в бою Наташа увидела падающего знаменщика. Вражеский кавалерист подхватил знамя и поспешил к своим позициям. Казачка погналась за немцем, выстрелила на скаку и ссадила его с коня. Подхватила знамя и помчалась в атаку, увлекая за собой казаков. За этот подвиг Комарова была награждена Георгиевским крестом IV степени. В другом бою Наталья заметила, как убили коня под ее братом Петром, тот отбивался прикладом карабина от наседавших баварских пехотинцев. Сестра бросилась на помощь, но брат уже был ранен. Наталья склонилась над ним, и в эту минуту пуля пробила ей грудь навылет. Она выжила и после долгого лечения снова вернулась на фронт.

Отважно воевала казачка Александра Лагерева, была награждена за храбрость Георгиевскими крестами трех степеней.

О судьбе Антонины Тихоновны Пальшиной известно несколько больше, о ней писали и в советский период, документы о ее жизни хранятся в Музее истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул). Пальшина родилась в крестьянской семье, рано осиротела, работала швейей. Через месяц после начала войны на свои сбере-

жения купила коня, обмундирование и под именем Антона Пальшина была зачислена в 9-ю сотню 2-го Кавказского кавалерийского полка. Участвовала во многих сражениях, была ранена, попала в госпиталь, где ее и разоблачили. Антонина бежала на другой фронт, но до передовой не добралась, на станции ее задержали и отправили в родной Сарапул. Там Антонина Пальшина окончила краткосрочные курсы медсестер и в качестве сестры милосердия отправилась на Юго-Западный фронт. Посчитав, что в госпитале и без нее сестер хватает, Антонина вновь переделалась в мужскую форму и поспешила в разведку. За отвагу и стойкость была награждена двумя медалями и двумя Георгиевскими крестами. «География» III степени ей вручил сам генерал Брусилев в госпитале, куда она попала после второго ранения. Боевой путь Пальшиной продолжался и после Октября семнадцатого года, но об этом я расскажу позже.

Вдовы неутешные

Новые волны женского энтузиазма поднимались и позднее. И не в дни побед, а после тяжелых поражений, с огромным количеством жертв, наплывом раненых в госпитали. Сыграли свою роль и факты бесчеловечного отношения германских и австрийских военных и медиков к русским раненым, пленным и мирным жителям. Женщины-добровольцы стремились на место мужей и братьев. В скупых строках донесения командира одна из таких героических судеб:

«В роту около месяца назад с прибывшим укомплектованием явился солдат Стягин. С первых дней он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и резко выделялся в боевом смысле... С редким старанием выполнял все свои обязанности, противника ненавидел и в бою был молодцом. В одном из последних боев был ранен пулей в живот, но не уходил из строя, пока не выпустил всех патронов, а затем обессиленный был принесен на перевязочный пункт. Тут и выяснилось, что Стягин женщина... Муж ее, по рассказам, был убит и будто бы завещал ей, что она должна заменить его... Жаль, что она ранена тяжело и почти безнадежно».

Слева: наступление пехоты на фронте Первой мировой, 1915 год. Внизу: женский Батальон смерти в полевом лагере, 1917 год. Три фото справа: Клавдия Алексеевна Богачева – рядовой гренадерского Перновского полка (1915), сестра милосердия (1916) и советский медработник (середина прошлого века)

Конечно, многие добровольцы были вовсе не подготовлены к боевым условиям и погибали первыми. Так, в одном из донесений упоминался «вольнотерпящий Долгов»: «Появились неприятельские разъезды. Один из них атаковали. Увлеченный погоней вольнотерпящий Долгов зарублен...» Только после боя выяснилось, что погибший – женщина. Впоследствии удалось установить, что она ушла на войну после гибели мужа, офицера-артиллериста.

Ушла на фронт после гибели мужа и Мария Захарченко-Шульц, известная телезрителям по фильму «Операция «Трест». Роль неистовой террористки-подпольщицы в нем блестяще исполнила Людмила Касаткина. В этом сериале лишь упомянут боевой путь Марии во время Первой мировой войны. Но именно в сражениях Первой мировой закалялся характер этой незаурядной женщины.

Гренадерша

О Клавдии Алексеевне Богачевой не писали газеты и журналы того времени – она была одной из безвестных героинь Первой мировой. Лишь родные и близкие знали ее необыкновенную судьбу. Клавдия Богачева родилась 20 марта 1890 года в Самарской губернии, мечтала

учиться, но таких возможностей у многодетной крестьянской семьи не было. Позднее, когда началась война, пыталась поступить на курсы медсестер, но ее не взяли. Тогда Богачева остригла волосы, переделалась мужчиной и с чужими документами отправилась на фронт. 6 марта 1915 года ее зачислили в Перновский гренадерский полк, сражавшийся на Юго-Западном фронте. Скоро начались тяжелые бои, и уже через месяц Богачева получила первую Георгиевскую медаль. В приказе о награждении было сказано: «Богачев Николай вызвался подносить патроны в то время, когда никто не брался за это дело вследствие грозящей почти неминуемой гибели». Богачева участвовала в вылазках, ходила в разведку, во время ночной разведки 12 ноября 1915 года взяла в плен немецкого солдата. Ее наградили Георгиевским крестом IV степени и присвоили звание ефрейтора. Но тут в полк нагрянула медицинская комиссия, и на осмотре обнаружилось, что Богачев – девушка. Клавдию отчислили из армии. Она приехала в Москву и поступила в фельдшерскую школу. Уже через два месяца она вернулась на фронт, но уже сестрой милосердия. До конца войны служила в прифронтовых госпиталях, ее ценили врачи и любили раненые.

У этой истории также есть продолже-

ние, но как бы уже в другой жизни, словно на другом берегу реки времени.

Георгиевский кавалер

Девушек и женщин, воевавших под видом мужчин, чаще всего разоблачали после ранений. Большинство из них становились сестрами милосердия, но при этом упорно стремились на передовую.

Тут нужно пояснить, что сестры милосердия госпиталей и лазаретов не считались военнослужащими и находились под защитой Красного Креста. А вот фельдшеры и санитары на перевязочных пунктах, выносившие раненых с поля боя, были военными со всеми вытекающими последствиями. Строго говоря, сестрам милосердия находиться на передовой запрещалось. Но с женщиной, если она что решила, разве сладишь?

Римма Иванова окончила гимназию в Ставрополе, стала сельской учительницей. В самом начале войны решила ехать на фронт сестрой милосердия. Родители этому решительно воспротивились. Римма некоторое время работала сестрой в городском госпитале, но рвалась в действующую армию. 15 января 1915 года она уехала на Западный фронт, в 83-й Самурский полк, в котором служили многие ее зна-

комые ставропольцы. Она согласилась служить в полковом лазарете, но при условии, что ее будут отпускать и на передовую. Она коротко остригла волосы, на передовой надевала военную форму, и ее трудно было отличить от парнишки-новобранца. Командир полка писал о ней: «Неустанно, не покладая рук, работала она на самых передовых позициях, находясь всегда под губительным огнем противника, и, без сомнения, ею руководило одно горячее желание – прийти на помощь раненым защитникам царя и Родины. Молитвы многих раненых несутся за ее здоровье к Всевышнему». За мужество при спасении раненых она была удостоена Георгиевского креста IV степени и двух Георгиевских медалей.

Через полгода, после настоятельных просьб родителей, Римма вернулась в Ставрополь. Но уже через месяц опять уехала на фронт, на этот раз – в 105-й Оренбургский полк, в котором служил ее брат Владимир. Ее назначили фельдшером 10-й роты.

Шли тяжелые бои. Германские войска наступали, взяли город Гродно. Но Римма писала домой: «Сейчас спокойно. Не беспокойтесь, мои родные». На другой день после отправки этого письма начались непрерывные вражеские атаки на позиции полка. Римма не успевала перевязывать раненых. В роте не осталось ни одного офицера. О дальнейшем говорится в донесении командира полка: «Сестра Иванова, увидев роту без офицера, сама бросилась с ней в атаку, собрав около себя роту, и захватила одну из лучших линий неприятельских окопов, где, будучи тяжело раненой, скончалась славной смертью храбрых...»

Командование просило наградить Римму Михайловну Иванову посмертно офицерской наградой – орденом Св. Георгия IV степени. Когда наградные документы представили Николаю II, он задумался. До той поры этим орденом была награждена только одна женщина – корнет Надежда Дурова. Но Римма Иванова не была офицером, не была дворянкой и вообще не имела никакого воинского звания. И все же император подписал именной указ о награждении.

Гроб с телом Риммы Ивановой доставили на родину, ее хоронил весь город. Губернское земское собрание постановило увековечить память героини: учредить стипендию Р.М.Ивановой, установить мраморную доску на гимназии, в которой она училась, присвоить ее имя земскому училищу, где она преподавала. Начался сбор пожертвований для возведения памятника.

Военное ведомство заказало кинофильм о подвиге медсестры. Вскоре на экраны кинематографов вышла картина под названием «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой. Военная драма в трех частях». Картина оказалась пропагандистским лубком. Посыпались возмущенные письма. Отец Риммы написал военному министру, что «вместо действительного эпизода великой войны демонстрируется какой-то грубый фарс». Надо отдать должное, министерство быстро среагировало, демонстрация фильма была запрещена.

К 100-летию со дня рождения Р.М.Ивановой в Ставрополе открыта мемориальная доска на здании, в котором располагалась гимназия, восстановлено надгробие на могиле отважной медсестры. Возможно, к 100-летию ее героической гибели появятся и памятник.

Светские львицы

Патриотический порыв захватил все слои российского общества. Не остались в стороне женщины знатного происхождения. Им было сравнительно легче попасть на службу – помогали связи с высокопоставленными военными и придворными, и светские львицы не скрывали своего пола. Спортсменка и путешественница княгиня Кудашева воевала в кавалерии, баронесса

Евгения Петровна Толь служила санитаром на передовой, сама была трижды ранена. Награждена Георгиевским крестом 4-й степеней, представлена к «Георгиям» II и III степеней.

Образованные и состоятельные женщины из высшего общества осваивали сложную и дорогостоящую военную технику. Е.П.Самсонова стала первой русской женщиной-военным шофером. Еще до войны она научилась водить автомобиль. В сентябре 1914 года Самсонова отправилась сестрой милосердия с санитарным поездом в Варшаву. Из госпиталя она вскоре уволилась – хотела на фронт, и непременно водителем. Самсонова уехала на Галицийский фронт, записалась добровольцем в мотоциклетную роту и служила в ней несколько месяцев. Вынуждена была уволиться по болезни.

Княжна Евгения Михайловна Шаховская была первой русской военной летчицей. Ее история могла бы послужить основой для авантюрного романа. Дочь эстляндского губернатора, Евгения окончила Смольный институт благородных девиц. У нее были хорошие вокальные данные, она увлекалась верховой ездой, водила автомобиль, участвовала

Добровольца-гусар
Мария Захарченко-Шульц

в автогонках, прекрасно стреляла. Затем увлеклась авиацией и в 1912 году получила диплом пилота. В начале войны Шаховская подала прошение зачислить ее во фронтовой авиаотряд. В то время русская авиация выполняла только разведывательные полеты. Шаховская получила отказ. В военном ведомстве ей объяснили, что если она будет вынуждена приземлиться на территории противника, то будет считаться не военнопленной, а шпионкой, и по законам военного времени ее расстреляют. Так впервые прозвучало слово «шпионка». Шаховская поступила сестрой милосердия в санитарный поезд имени великой княжны Анастасии Николаевны. Но и мечту о военной авиации Шаховская не оставляла, посылала прошения и в конце концов была принята в военную авиашколу. Наконец, в чине прапорщика инженерных войск Шаховскую зачислили в 1-й авиаотряд. Княжна начала летать на «Фармане-16», командование было довольно успешными женщины-авиатора. Но полет русской валькирии оказался недолгим – контрразведка арестовала Шаховскую как немецкую шпионку. Считают, что обвинения против летчицы были сфабрикованы. Однако трибунал приговорил ее к смертной казни. Правда, Николай II заменил расстрел заочением в монастыре. Шаховская просидела в мрачной келье до самой Февральской революции, когда ее освободили как «узницу царского режима»... На этом приключения княжны не окончились, рассказ о них впереди.

Уже упомянутая Мария Владиславовна Захарченко-Шульц (в девичестве Лысова), дочь действительного статского советника, также окончила Смольный институт, вышла замуж на офицера-гвардейца. В августе 1914 года штабс-капитан Михно был тяжело ранен и скончался на руках молодой жены. Лысова передала маленькую дочь на воспитание родственникам и по высочайшей протекции поступила вольноопределяющимся в 3-й гусарский Елисаветградский полк, шефом которого была Великая княжна Ольга Николаевна. Умения и боевого опыта у Марии не было, присутствие женщины, переодетой гусаром, смущало рядовых и офицеров, но ничего нельзя было поделать – так пожелал император. Однако, как вспоминал однополчанин, «находясь постоянно в боевых делах, М.В.Михно обучалась всему, что требовалось от строевого гусара, и могла на равных соперничать с мужчинами, отличаясь бесстрашием, особенно в разведке». Однажды она вывела отряд в тыл к немцам, многих перебили, часть увели в плен. В другой вылазке Мария Владиславовна, несмотря на ранение, вынесла из-под огня истекающего кровью товарища. В 1916 году она была произведена в унтер-офицеры, награждена двумя Георгиевскими

крестами и медалями «За храбрость». Елисаветградские гусары дольше других частей сохраняли боеспособность, подчинились приказам командования до начала 1918 года, и только тогда начали группами и поодиночке покидать полк. Многие ушли на юг, чтобы примкнуть к Белому движению. Боевой путь Марии Захарченко-Шульц продолжился в эмиграции и анти-советском подполье.

Невесты смерти

Гражданские войны во всем мире называют братоубийственными. Ужасно, когда брат поднимает оружие на брата, а сын на отца. Но еще страшнее, когда сестры сражаются против сестер. Но было и так! Добровольцы первой мировой встали кто под красные, кто под белые знамена.

Судьбы женщин-революционерок, женщин-комиссаров, женщин-красноармейцев достаточно полно отражены в истории и литературе: Анка-пулеметчица из «Чапаева» Д. Фурманова, женщина-комиссар из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского (ее прототипом была известная революционерка Лариса Рейснер), Марютка из рассказа «Сорок первый» Б. Лавренева, Ольга из рассказа «Гадюка» Алексея Толстого, Вавилова из рассказа В. Гроссмана «В городе Бердичеве»...

Вот и Антонина Пальшина, о которой рассказано выше, продолжала воевать – была рядовым бойцом особого отряда в армии Буденного. Затем служила в ВЧК. Потом ушла работать в больницу медсестрой. Вышла замуж, воспитала двоих сыновей, оба стали военными. Антонина Тихоновна скончалась сравнительно недавно, в 1992 году.

Другая добровольца, Клавдия Алексеевна Богачева, некоторое время служила в Красной армии медсестрой, демобилизовалась в 1922 году, продолжала работать в медицинских учреждениях до самой смерти в 1961 году.

Княжна Шаховская, как помнит читатель, освобожденная после Февральской революции как «жертва монархии», после Октября служила в киевской ЧК. Ей удалось поквитаться со многими из тех, кто сфабриковал ее дело о шпионаже. Вскоре она сама погибла.

Гораздо меньше знаем мы о тех добровольцах Первой мировой, которые участвовали в Белом движении. Вскоре после Октября многие сестры милосердия укрывали офицеров, помогали им пробраться «к своим». Московская подпольная группа под руководством медсестры Нестерович отправила на юг России свыше двух с половиной тысяч офицеров.

Сестра милосердия Зинаида Мокиевская-Зубок помогала офицерам в Ростове-на-Дону, доставала им пищу и одежду, а потом переправляла их в Добровольческую армию.

Мария Бочарникова, в недавнем прошлом боец женского ударного батальона, участница обороны Зимнего дворца, после расформирования батальона служила в госпитале Добровольческой армии. Как и на фронтах Первой мировой, сестры милосердия, бывало, брались за оружие. Медсестра Ольга Елисеева служила в знаменитой Марковской дивизии. Во время наступления красных она с револьвером в руке останавливала бегущих марковцев. Благодаря ее решительным действиям удалось вывезти на подводах тридцать раненых.

Две войны и две революции ожесточили всех, и женщин тоже. Свидетельств об этом достаточно с обеих сторон. Но к чести врачей и медсестер надо сказать, что большинство всегда оставались на стороне раненых и больных, невзирая на их «масть». Иногда при этом медики серьезно рисковали. Вот два, так сказать, зеркальных эпизода.

З.Мокиевская-Зубок вспоминала: во время взятия красными Новочеркаска

часть легко раненых офицеров во главе с полковником Богущим не успели уйти из города. Врач госпиталя поместил их в отдельную палату. Скоро за ними пришли. Женщина-врач встала у дверей палаты и заявила: «Здесь лежат больные тифом». Красные настаивали, они знали, кто находится в палате. Но врач стояла на своем: «У них очень опасная стадия заболевания, вы неминуемо заразитесь». «Мы еще вернемся, а вы должны нам сообщить, когда они выздоровеют», – распорядились красные и ушли. Впоследствии полковник Богущего видели в Ростове, а вот имя спасшей его и других женщины-врача история не сохранила.

Прабабушка моей жены Мария Александровна Федоренко была врачом в госпитале при белых. Среди раненых находилось несколько красноармейцев, их лечили, как и других. Но вот поступил приказ: красноармейцев расстрелять. М.А.Федоренко пошла на прием к генералу Шкуро, пыталась защитить раненых. «Как? Они еще не расстреляны?!» – вскричал Шкуро. И, вызвав адъютанта, приказал: «Расстрелять немедленно!» Мария Александровна заявила: «Служить у вас не буду!» Генерал ответил: «Не задерживаю!» Хорошо хоть не задержал.

Говорят, нынче от любви не умирают. Но на войне любят до смерти в прямом смысле слова. Княжна Черкасская в Первую мировую служила вахмистром конной разведки, затем в женском Батальоне смерти. В Гражданскую продолжала воевать в артиллерии Добровольческой армии. Встретила поручика Давыдова, они полюбили друг друга. Их венчали под Новочеркасском, когда рядом с церковью шел бой. «Скорее, скорее!» – торопили офицеры. «Дайте довенчаться!» – молили они. Как только обряд был окончен, невеста сняла белое платье и драгоценности, одоленные у офицерских жен, надела мундир и вступила в бой рядом с мужем. Через три часа она была убита осколком снаряда. Муж едва не лишился рассудка... В Ростове, когда открыли дверь вагона, увидели такую картину: в гробу лежала невеста, так и не ставшая женой, рядом сидел поручик Давыдов, не спускавший с нее глаз, не замечая ничего вокруг...

Окончилась и Гражданская война. Белые девицы разлетелись по миру. И только Мария Захарченко-Шульц не сложила оружия.

Последняя амазонка

После Октябрьской революции и окончательного развала фронта Мария Владиславовна Михно (по первому мужу) уехала в родное имение в Пензенской губернии. Увидев там повсеместный развал и грабеж, она собрала партизанский отряд из молодежи – недавних гимназистов и студентов. Приступил ли отряд к боевым действиям, неизвестно. По одним сведениям, «матка Михно» скакала по уезду, «поджогами сел мстя крестьянам за убийства помещиков и разгромы имений», другие утверждают, что отряд так и не был окончательно сформирован. А может быть, Мария сама оставила эту затею, так как узнала, что на юге создается Добровольческая армия. Она укрывала у себя офицеров-добровольцев, помогала им перебраться к белым. Среди них был и офицер 15-го уланского Татарского полка Захарченко, ставший ее вторым мужем. Вместе они прибыли на Кубань, и Мария снова оказалась в седле. Была ранена в грудь, переболела тифом, отморозила руки и ноги. Под Каховкой был ранен и умер от заражения крови ее муж и командир, полковник Захарченко.

Когда войска Врангеля оставили Крым, Мария Владиславовна скиталась по разным странам и через некоторое время разыскала своего дядю – генерала Кутепова. Генерал был одним из руководителей Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Немногие русские военные за

рубежом знали, что генерал Кутепов создал «под крышей» РОВСа законспирированную боевую организацию. Кутеповцы нащупывали связи с антибольшевистским подпольем в Советской России и готовили террористические акты против руководителей партии и сотрудников ВЧК-ОГПУ. Главной целью была подготовка антибольшевистского восстания в России. Племянница стала доверенным сотрудником Кутепова.

В октябре 1923 года в СССР нелегально проникла группа кутеповских агентов. Под видом семейной пары по фамилии Шульц перешли границу Мария Захарченко и ее третий муж – капитан Георгий Радкович. Три дня шли через болота и топи, минуя пограничные посты. Спутники Марии выбились из сил, просили об отдыхе, но она ответила: «Как вы, мужчины, быстро устаете...»

Никто из них не знал, что «подпольщики», на контакт с которыми они шли, как и вся подпольная организация – это операция иностранного отдела (ИНО) ОГПУ под кодовым названием «Трест». Как мотылек на пламя свечи, тайно приехал из-за кордона известный политический деятель В.В.Шульгин. Он встречался с Марией Захарченко-Шульц и так описал свои впечатления:

«Она была немного выше среднего возраста, с тонкими чертами лица. Испытала очень много, и лицо ее, конечно, носило печать всех испытаний, но женщина была выносливой и энергии совершенно исключительной...» Однако иногда она давала волю чувствам, то впадала в истерику, то в уныние. Признавалась: «Я старею. Чувствую, что это последние мои силы. В «Трест» я вложу все, если это оборвется, я жить не буду».

Но полностью контролировать кутеповцев ОГПУ не могло. Они рвались в бой, планировали и исполняли террористические акты. «Тираноубийственные выстрелы», «тираноубийственные взрывы» – так они называли свои акции. В начале июня 1927 года из Финляндии в СССР проникли две группы боевиков. Одну из групп возглавляла Мария Захарченко-Шульц. С нею шли Юрий Петерс и Эдуард Опперпут. Они добрались до Москвы и заложили мощную бомбу в здание общежития ОГПУ. Диверсанты не знали, что там жили и некоторые сотрудники ИНО, участвовавшие в операции «Трест». Но взрыва не произошло – бомба была обнаружена перед самым взрывом, рванула только одна шашка, вызвавшая небольшой пожар.

В приграничных районах были подняты по тревоге не только пограничники, но и армейские части. Местные жители участвовали в прочесывании лесов. Первым был застрелен Опперпут. Захарченко-Шульц и Петерс захватили автомобиль и вплотную приблизились к границе. 23 июня у белорусского села Ситно они вышли на военное стрельбище – прямо на посты красноармейцев. Очевидец писал: «На противоположной опушке леса, в интервале между мишенями, стоят мужчины и женщины, в руках у них по револьверу. Они поднимают револьверы вверх. Женщина обращается к нам, кричит: «За Россию!» – и стреляет себе в висок. Мужчины тоже стреляют, но в рот. Оба падают».

* * *

В России женщин на войну не призывали. Они шли сами, и проливали кровь, и погибали.

«Загадочная русская душа!» – часто повторяют на Западе.

Душа русской женщины загадочна вдвойне. ■

Сергей МАКЕЕВ: WWW.SERGEY-MAKEEV.RU,
MAIL TO: POST@SERGEY-MAKEEV.RU.

Фото из архива автора